

УДК 94(47).08

ББК 63.3(2)5-3

Правовое положение мусульман центральноазиатских окраин Российской империи и «мусульманский вопрос» в системе администрирования региона (вторая половина XIX — начало XX в.)*

Ю.А. Лысенко, М.Ф. Лысенко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Legal Status of the Muslims in the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and “Muslim Question” in the System of the Regional Administrating (the Second Half of the 19th — the Beginning of the 20th Century)

Yu.A. Lysenko, M.F. Lysenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

Представлен анализ «мусульманского аспекта» религиозной политики России в центральноазиатских окраинах и правового положения мусульман данного региона. Административно он входил в состав двух территориальных единиц — Степного и Туркестанского генерал-губернаторств и являлся самым многочисленным по количеству проживающих в нем мусульман. Однако степень проникновения догм и обрядов ислама в повседневность и самосознание народов являлась различной. Так, у кочевых народов Степного края и Туркестана в религиозном самосознании преобладал синкретизм: синтез языческих и мусульманских норм; у оседлого населения региона исламская доминанта являлась преобладающей.

Данное своеобразие определило содержание политики государства в вопросе регулирования развития ислама в центральноазиатских национальных окраинах. Так, в отношении «кочевого ислама» на законодательном уровне проводилась политика, направленная на ограничение его дальнейшего распространения среди кочевников и пресечения их попыток интеграции в общероссийское мусульманское движение. В отношении оседлых мусульманских народов позиция центральных и региональных органов власти сводилась к полному игнорированию исламских институтов с последующим поэтапным демонстражем наиболее влиятельных среди них.

Поэтому политика государства в сфере регламентации ислама носила ограничительный характер. Наиболее жесткую позицию власти заняли в вопросе

The article presents the analysis of “Muslim aspect” of Russian religious policy in the Central Asian suburbs and the legal status of the Muslims in this region. Administratively it was a part of two territorial units — Steppe and Turkestan general governorships and was the most populated by the Muslims. However the extent of penetration of dogmas and ceremonies of Islam in daily life and consciousness of the people was different. So, syncretism in religious consciousness — synthesis of the pagan and Muslim norms prevailed mainly among the nomadic people of Steppes and Turkestan: Islamic dominant was prevailing among the settled population of the region.

This peculiarity defined the policy of the state in terms of regulation of the development of Islam in the Central Asian national suburbs. So, for “nomadic Islam” at the legislative level the policy directed at restriction of its further distribution among nomads and suppression of their attempts of integration into the all-Russian Muslim movement was pursued. As to the settled Muslim people, the position of the central and regional authorities was reduced to complete ignoring of Islamic institutes with the subsequent stage-by-stage dismantling of the most influential ones. That is why the policy of the state in the sphere of Islam regulation had a restrictive character. The hardest line of the power was in a question of granting to the Muslim population of the Steppe and Turkestan territories to be entitled to have own spiritual department of religious affairs on an example of the Orenburg, Taurian and Caucasian Muslim spiritual meetings. Despite numerous

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

предоставления мусульманскому населению Степного и Туркестанского края права иметь собственное духовное управление религиозными делами по примеру Оренбургского, Таврического и Кавказского мусульманских духовных собраний. Несмотря на многочисленные ходатайства населения Центральной Азии к правительству, данный вопрос так и не был решен положительно вплоть до 1917 г.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, Туркестан, ислам.

DOI 10.14258/izvasu(2016)2-18

Центральноазиатские окраины являлись самым многочисленным по количеству мусульман регионом Российской империи. В областях Степного и Туркестанского генерал-губернаторств на рубеже XIX–XX в. проживало 90,29% мусульманского населения страны: в Акмолинской области его удельный вес от общей численности населения составлял 64,43%, Закаспийской — 88,07%, Самаркандской — 97,62%, Семиреченской — 90,18%, Семипалатинской — 89,71%, Сыр-Дарьинской — 96,37, Тургайской — 90,99%, Уральской — 74,15, Ферганской — 90,29% [1, л. 3–7].

В то же время «мусульманская» Центральная Азия не являлась гомогенной: здесь выделялись два региона, отличающиеся друг от друга степенью проникновения догм и обрядов ислама в менталитет и повседневность коренных народов. Структура этнического самосознания оседлого населения Туркестанского края представляла собой сложную многоуровневую иерархию, верхний уровень которой определялся принадлежностью к исламу. В.В. Бартольд и ряд других этнографов рубежа XIX — начала XX в. фиксировали ситуацию, при которой «оседлый житель Средней Азии чувствует себя в первую очередь мусульманином, а затем уже жителем определенного города или местности; мысль о принадлежности к определенному народу не имеет для него никакого значения» [2, с. 528–529]. Исторически Туркестан являлся одним из центров исламской культуры. На территории позднесредневековых государств региона — Хивинского, Кокандского ханств и Бухарского эмирата — располагались мусульманские святыни, крупнейшие мечети и религиозно-учебные центры. Социальные, судебные нормы и политическая жизнь этих государств регламентировались Кораном и шариатом.

В этническом сознании кочевых народов Степного края — казахов, а также туркмен, киргизов преобладало родовое начало, социальные связи и отношения выстраивались на потестарно-родовых и клановых началах. Исламизация этих народов, начавшаяся в позднее средневековье, осуществлялась на основе синтеза местных архаических веро-

petitions of the population of Central Asia to the government the question was not solved positively up to 1917.

Key words: Russian Empire, Steppes, Turkestan, Islam.

ваний, культуры нomaдизма, а также пришедшего из Туркестана суннизма с его суннитскими братствами и орденами. В целом, как подчеркивает ряд исследователей, ислам выступал среди кочевых народов Центральной Азии в гораздо меньшей степени этнообразующим и этноидентифицирующим элементом [3].

С точки зрения перспектив мусульманской интеграции народов Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, наибольший потенциал имело языковое родство. Большинство этносов региона, за исключением персоязычных таджиков, принадлежало к единой тюркской языковой группе. Различия в огузо-кыпчакском, чагатайском и сульджукском диалектах значительно сглаживал единый арабский алфавит, который, за неимением собственной письменности у многих народов региона, на протяжении нескольких столетий играл роль инструмента межкоммуникативного взаимодействия. Однако различия в системе жизнеобеспечения, преобладание земледельческой оседлой или скотоводческой кочевой хозяйственно-бытовой традиции выступали значительным препятствием на пути мусульманского интеграционного движения. Следует также отметить, что процесс присоединения Степного края к России и, как следствие, его политико-правовая и социально-экономическая интеграция в общеимперское пространство начались раньше, чем аналогичные процессы в Туркестанском крае. Поэтому коренное население Туркестана в гораздо меньшей степени было урбанизированным, социально мобильным и в целом адаптированным к процессам модернизации.

Все эти факторы, безусловно, учитывались политической элитой Российской империи при выработке стратегического курса в отношении «степного» и «туркестанского» ислама. В целом основные направления этого курса были сформулированы во второй половине XIX — начале XX в. Однако «мусульманский вопрос» в системе администрирования центральноазиатскими окраинами не был «монолитным явлением», имел определенные нюансы, варьировал в зависимости от конкретной международной и внутривосточной ситуации. На тот

или иной аспект религиозной политики в этом регионе огромное влияние оказывала позиция региональных властей.

Важнейшим внешнеполитическим фактором, определившим содержание государственной концепции в отношении «центральноазиатского ислама», стало расширение границ империи и включение в ее состав территорий со значительным по численности мусульманским населением. Так, в 60-е гг. XIX в. Россией были аннексированы территории Старшего жуза и Кокандского ханства, заключены неравноправные договоры с Хивинским ханством и Бухарскими эмиратом, установившие систему протектората над ними. В этот же период в состав государства окончательно был включен Кавказ. В результате этих внешнеполитических акций ислам стал второй по количеству своих адептов конфессией в империи: по все-российской переписи населения 1897 г. в стране насчитывалось 13,889 млн его приверженцев.

Завершение присоединения Юго-Восточного Казахстана и захват Кокандского ханства привели к увеличению протяженности российской границы с китайской провинцией Синьцзян. Политика цинских властей в отношении мусульманского населения данной провинции носила дискриминационный характер и потому выступала мощным дестабилизирующим фактором. На протяжении первой половины XIX в. здесь неоднократно вспыхивали антиправительственные движения, принимавшие форму газавата — священной войны против неверных, т. е. ханьцев. Фактор границы юго-восточных рубежей Российской империи с мусульманским Синьцзяном стал рассматриваться как важная посылка для формирования государственной концепции в отношении ислама в целом и «центральноазиатского ислама» в частности. Серьезные последствия для судьбы российского ислама имела и весьма неудачная для России Крымская война 1853–1856 гг., которая значительно ослабила позиции империи в «восточном вопросе».

К числу важнейших внутривнутриполитических обстоятельств, оказавших значительное влияние на формирование основ политики в отношении ислама, относится рост национального сознания и общественно-политической активности мусульман России, неизменно наблюдавшийся на протяжении всего пореформенного периода. Институционализация интеграционных процессов мусульманских народов империи стала рассматриваться как фактор, «способствующий соединению национального и конфессионального самосознания восточных народов и порождению угрозы территориальной целостности империи» [4, с. 7].

Выработке концептуальных основ общегосударственного курса в отношении ислама предшествовала длительная дискуссия, которая разворачивалась в двух основных направлениях. Представители либерального течения исходили из того, что рост тер-

риторий и численности мусульманского населения Российской империи совпали по времени с начавшейся модернизацией в стране и развитием буржуазных отношений. Исходя из сугубо прагматических соображений, таких как необходимость формирования общероссийского рынка, региональной производственной специализации, освоения природных и людских ресурсов национальных окраин, государство должно учитывать интересы этих народов. В этой связи важнейшей задачей империостроительства должно было стать «реформирование национальных окраин в рамках интеграционных процессов, направленных на экономическую и социокультурную инкорпорацию народов этих окраин в общеимперское пространство, и создание ряда важных компонентов государственно-политического механизма современного типа». Таким образом, представители либерального направления общественно-политической мысли России считали, что все конфессии империи должны представлять единую систему, призванную обеспечить стабильность в государстве [5, с. 401].

Представители второго направления заняли более радикальную позицию в отношении судьбы мусульманских народов империи. Они также исходили из того, что важной парадигмой дальнейшей внутренней политики должно было стать сохранение территориальной целостности государства с учетом факта его полиэтничности и поликонфессиональности. Однако, в отличие от либералов, ими был предложен вариант, предполагавший религиозно-культурную унификацию многочисленных народов империи на основе русского языка, культуры и православия. В отношении ислама рекомендовалось заложить охранительные мотивы, направленные на создание системы противодействия его распространению и объединение всех нерусских народов империи, в том числе мусульман, на основе православной русской народности.

Дискуссия, связанная с дальнейшей судьбой народов империи, завершилась победой более консервативно настроенных общественно-политических деятелей. В результате 80–90-е гг. XIX — начало XX в. стали временем торжества охранительной политики «православного консерватизма». На первый план в государственной идеологии выдвигалась доктрина «официального национализма». Следствием явилось поэтапное наступление на религиозные права мусульманского населения и активизация православной миссионерской деятельности среди них. С целью сохранения спокойствия в регионах с компактным проживанием мусульман империи на общегосударственном уровне приоритетным становилось следование политике веротерпимости и толерантности к исламским институтам. Но при этом четко обозначилась тенденция усиления контроля за их деятельностью, а также за деятельностью мусульманского духовенства.

Региональные практики администрирования исламских институтов в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах выстраивались в русле общеимперских тенденций, но при этом учитывались их локальные особенности, основанные на глубине проникновения идеологии ислама в менталитет и повседневность коренных народов. Так, важной посылкой стратегии в отношении «степного/кочевого ислама» должна была стать идея о том, что казахи «плохие мусульмане» и «пока не фанатичны» [5, с. 277]. Администрации Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, распространявших свою юрисдикцию на кочевья казахов Младшего и Среднего жузов, исходили из того, что данный регион в результате проведения административно-территориальных реформ 20–60-х гг. XIX в. успешно интегрируется в общеимперское политико-правовое пространство. Дальнейшее закрепление позиций ислама в Степном крае, с учетом его близости к исламским центрам Поволжья и Туркестана, могло выступать, по их мнению, дестабилизирующим фактором этой интеграции. Поэтому главную задачу религиозной политики России в данном этнорегионе они видели в создании системы противовесов развитию ислама, дезинтеграции казахского мусульманского движения и вычлениении его из общероссийского мусульманского движения [6, л. 49, 49 об].

В Туркестанском генерал-губернаторстве, образованном в 1867 г., имперские власти не просто демонстрировали веротерпимость, но и отказались от форсированного демонтажа исламских структур. В инструкциях, направляемых в этот край, за призывом верности отечеству и престолу следовало требование проявлять справедливость к нуждам и интересам мусульман. Первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман не находил нужным подчинять туркестанских мусульман какому-либо духовному управлению и формировать особое сословие мусульманских священников со своей иерархией по образцу Оренбургского или Таврического мусульманских духовных собраний. Предлагая сохранить существовавшие в регионе исламские нормы, К.П. Кауфман надеялся доказать туземцам лояльность и веротерпимость со стороны государства к их традициям и религии. В то же время администратор был уверен, что альтернативой исламу в Туркестане должно стать развитие светского образования в духе европейской/христианской морали и этики. Причем для более успешной русификации он настаивал на необходимости совместного обучения русских/православных и мусульманских детей в специально создаваемых русско-туземных школах. Игнорирование государством в Туркестанском крае ислама, по мнению К.П. Кауфмана, со временем должно было доказать его несостоятельность и уступить место цивилизованному и культурному христианству [7, с. 194–199].

В русле идей К.П. Кауфмана в первые годы после образования Туркестанского генерал-губернаторства российское правительство выделяло крупные средства на религиозные нужды мусульманского края, восстановление старинных мечетей и медресе. В Казани за счет казны был массовым тиражом издан Коран, большая часть тиража была отправлена в Туркестан и роздана местным имамам. В 1888 г. на личные пожертвования Александра III была восстановлена из развалин знаменитая соборная мечеть Джами. При образовании в Ташкенте в 1893 г. Туркестанской учительской семинарии для подготовки учительских кадров в русские и русско-туземные школы Туркестанского края в нее принимались абитуриенты и православного, и мусульманского вероисповедания. Учащимся-мусульманам предоставлялась треть бюджетных мест. На протяжении второй половины XIX — начала XX в. в регионе происходил рост численности мечетей. Так, например, в г. Туркестане в 1864 г. насчитывалось 20 мечетей, в 1910 г. их было уже 41. В Чимкенте в 1868 г. было 18 мечетей, в 1910 г. — 36. В Перовске в 1910 г. действовало четыре мечети, в Казалинске — пять, в Аулие-Ате — 21. В Семиреченском уезде, включавшем г. Пржевальск и Пишпек, к 1912 г. имелось 228 мечетей, 175 имамов, 14 мулл, старометодных школ — 84, новометодных — 27, включая медресе и мектебы. Резко возросла численность казахов — паломников к святым местам. Следует также подчеркнуть, что в Туркестане были сохранены три столпа исламской социально-религиозной системы: сеть мусульманских начальных и высших учебных заведений, сеть мечетей и святых мест и сеть шариатских судов, обеспечивающих поддержание мусульманских норм жизни.

Однако, несмотря на различия в подходах и методах проведения религиозной политики в Степном и Туркестанском краях, оба региона в условиях пореформенного времени и формирования правового пространства империи включались в систему общеимперской законодательной регламентации функционирования исламских институтов. На все мусульманское население страны было распространено общегражданское право (том XI Свода законов). Однако в сфере брачных отношений и семейно-наследственных вопросов в Степном крае сохранили свои позиции обычное право (адат) и традиционный суд, а в Туркестане — шариат и шариатские суды. Подобный «правовой плюрализм» объяснялся, на взгляд исследователей, особенностями этноконфессиональной ситуации в центральноазиатском регионе, отсутствием «русского православного элемента» и стремлением в этих обстоятельствах региональных органов власти привлекать местные этноэлиты к управлению в низовой административной системе [8, с. 83].

Несмотря на это своеобразие для российского мусульманского законодательства в целом и в частности для «центральноазиатского исламского законодательства» было характерно наличие значительного количества правовых норм, которые принято считать ограничительными. Так, в контексте общеимперского мусульманского законодательства в 80-е гг. XIX в. была введена система государственных экзаменов для претендентов на духовные должности. Согласно указу 1888 г. «Об установлении по округу Оренбургского магометанского духовного собрания образовательного ценза для духовных лиц магометанского исповедания», заседателями в Оренбургское мусульманское духовное собрание могли быть выбраны лица, сдавшие экзамен «в объеме курса четырех первых классов гимназии, уездного или городского училища, татарской учительской школы или, по крайней мере, двухклассного начального народного училища Министерства народного просвещения». При назначении на должности высшего духовенства ахуны и хатыки обязывались предоставить свидетельства «о выдержании ими испытания по программе курса одноклассного начального народного училища». Кандидаты на должность сельских мулл должны были иметь свидетельство училищных уездных советов о знании «русской разговорной речи и чтения». В 1896 г. данный указ был подтвержден вновь, при этом дополнительно указывалось, что кандидаты на духовные должности должны были сдавать экзамен специально созданным комиссиям, «которые учреждаются при учебных заведениях Министерства народного просвещения под председательством начальника заведения и двух преподавателей светских предметов» [9, л. 144–145 об.].

Закон об ограничительной норме для присяжных поверенных нехристианского вероисповедания первоначально касался в основном евреев. Однако, как отмечала Д. Усенова, «в начале XX в., по мере увеличения в российских высших учебных заведениях числа студентов-мусульман, он стал затрагивать интересы мусульманского населения страны». В период модернизации правовой и политической системы в 1905–1907 гг. либерально настроенной адвокатурой неоднократно поднимался вопрос об отмене подобных ограничений. Но только в конце 1915 г. власти пошли на некоторые уступки. Практически одновременно с введением ограничений на занятие адвокатурой в 1880-х гг. мусульмане были лишены права преподавать в казенных средних и высших учебных заведениях, а домашними учителями могли быть только у своих единоверцев [8, с. 85].

Ограничительный характер носило законодательство правового положения мусульман собственно центральноазиатских окраин. Так, на основании принятого в 1868 г. «Временного положения» об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областями духовные дела

казахов Степного края были изъяты из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания. Заведование названными делами предоставлялось местным муллам (утверждаемым только из местной этнической среды — казахов), которые подчинялись общему Гражданскому управлению Министерства внутренних дел. Таким образом, звание указных мулл, т. е. назначение на должность муллы Оренбургским мусульманским духовным собранием, в степи было отменено. Кроме этого, брачные и семейные дела казахов были изъяты из ведения мусульманского духовенства и подчинены народному суду [10, с. 271].

В утвержденном 25 марта 1891 г. Положении об управлении Степным генерал-губернаторством большая часть статей, затрагивающих проблемы жизни мусульман края, подтверждала ограничительные нормы Временного положения 1868 г.: муллы избирались из представителей местной этнической среды и утверждались в звании или устранились от дел губернатором области. По Положению 1891 г. разрешалось иметь в каждой волости по одному мулле. Новым было и то, что избрание муллы в каждой волости стало необязательным. К исполнению религиозных обрядов допускались даже лица, не признанные официально духовными. Обязанности мулл не были определены, что лишало их статуса представителей органов управления, а следовательно, и любой социальной значимости. Они также отстранялись от ведения метрических книг, от рассмотрения брачных и семейных дел, которые передавались ведению народного бийского суда, обязаны были выплачивать налоги и нести повинности наравне с остальным населением. Закон предусматривал наказание мулл за вмешательство в названные выше дела как за самовольное присвоение власти. Возведение мечетей допускалось только с разрешения высшей администрации, не более одной мечети на волость. Все культовые сооружения и школы при них должны были содержаться за счет добровольных пожертвований, пособия из казны не предполагалось [11, л. 32].

Только после издания указа от 17 апреля 1907 г. о свободе исповеданий МВД стало разрешать строительство мечетей сверх указанной нормы. Министерство внутренних дел пришло к выводу, что контролировать процесс гораздо проще, если официально разрешить строительство мечетей, чем безуспешно бороться с нелегальными молитвенными домами. Существенную роль сыграло и то обстоятельство, что нелегальным строительством «...руководили пропитанные религиозным фанатизмом татары и чем дальше, тем труднее будет обнаружить эти тайные молитвенные дома» [12, с. 33].

Аналогичные ограничительные нормы на законодательном уровне были введены и для мусульман Туркестанского края. Исламские институты региона, как отмечалось выше, подверглись наименьшей

деформации после присоединения к Российской империи. Однако религиозная интеграция в общеимперское пространство не предполагала создания особого духовного правления для мусульман, по аналогии с Оренбургским, Таврическим и двумя Закавказским (для суннитов и шиитов) мусульманским духовными собраниями. Как и в Степном крае, по Временному положению об управлении Туркестанским генерал-губернаторством в 1867 г. духовно-религиозные дела мусульман региона были переданы в ведение МВД России.

По Положению 1886 г. рассмотрение гражданских дел между народами Туркестанского края (заключение и расторжение брака, ряд семейно-имущественных дел — споры по завещаниям или при разделе наследства), принадлежавших ранее духовенству — муллам, было изъято из их компетенции и предоставлено народному суду. Кроме этого, был упразднен институт шейх-ул-ислама (исламского пастыря) — высшего авторитета в религиозных вопросах [10, с. 281].

Противоречивым моментом в правовой регламентации мусульманских общин Степного края и Туркестана являлся вопрос о воинской повинности. В пореформенный период вопрос о привлечении на службу в российскую армию мусульманского населения России, в том числе центральноазиатского, безусловно, рассматривался правящими кругами в политико-юридической плоскости и предполагал социально-правовую нивелировку всех граждан империи. Однако, несмотря на, казалось бы, рациональность такого подхода, «Манифест о введении всеобщей воинской повинности» 1874 г. освободил азиатские народы империи, в том числе мусульман Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, от службы в армии [13].

Комментируя данную ситуацию, начальник Генерального штаба российской армии А.Е. Генгрос подчеркивал: «...исторический опыт формирования туземных армий показал, что конечным результатом таких решений была необходимость их расформировывать, как только на данной окраине обострялось национальное самосознание». Таким образом, введение воинской обязанности в азиатских национальных окраинах могло, по мнению правительства, привести к росту этнического самосознания народов и усилению национальных движений, что в конечном итоге могло угрожать безопасности и территориальной целостности государства. Поэтому привлечение мусульман к службе в рядах российской армии было признано мерой преждевременной, хотя и подчеркивалась «принципиальная важность участия аборигенов в воинской службе как одной из главных государственных обязанностей народов» [14, с. 263].

В 80–90-е гг. XIX в. вопрос о распространении всеобщей воинской повинности на мусульманское население Центральной Азии неоднократно высту-

пал объектом детального рассмотрения правящих кругов Российской империи. При этом обсуждались различные варианты создания боевых подразделений из представителей коренных народов региона, степени комплектации их оружием и места прохождения воинской службы. Однако неизменно представители региональной власти были убеждены, что привлечение оседлых и кочевых народов Степного и Туркестанского краев к исполнению воинской повинности в какой бы то ни было форме преждевременно. Опасения чиновников были связаны с возможностью формирования среди них, в случае введения обязательной службы в российской армии, группы людей, «знакомых с усовершенствованными оружием, дисциплиной и порядками цивилизованных войск» [15, л. 15].

Исключение представляли лишь взгляды генерал-губернатора Туркестанского края А.Я. Фриде, который считал, что введение всеобщей воинской повинности вполне оправданно для казахского населения. По его мнению, последние в большей степени были интегрированы в общеимперское политико-правовое пространство и от других центральноазиатских народов, попавших в сферу интересов Российской империи, их отличало «отсутствие воинственности» и «религиозного мусульманского фанатизма» [15, л. 18 об.]. Однако его позиция не нашла поддержки у центральных правительственных органов. В 1890 г. Госсовет вновь признал введение воинской повинности среди мусульманского населения Степного и Туркестанского краев преждевременным.

События первой русской революции 1905–1907 гг. и провозглашение Манифеста 17 октября 1905 г. вновь актуализировали проблему равенства граждан Российской империи в правах и обязанностях. В 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба была образована Комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой Комиссии и признал, что привлечение «инородцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно. Однако в условиях начавшейся Первой мировой войны решение данного вопроса было отложено на неопределенное время.

Ограничительные меры в вопросе о введении воинской повинности для мусульман центральноазиатских окраин Российской империи, на наш взгляд, были обусловлены не только охранительными мотивами. В процессе дискуссии по этой проблеме неоднократно высказывалась мысль о незрелости гражданской позиции народов Степного края и Туркестана и неготовности ими выполнять долг по защите Отечества. Подтверждением данного тезиса стали события 1916 г., когда на территории региона началось масштабное вооруженное сопротивление мусульманских народов указу императора Николая II

о привлечении их на тыловые работы в районе действующей армии.

Несмотря на предпринимаемые правительством меры по ограничению распространения ислама в Степном крае и Туркестане, на протяжении второй половины XIX — начала XX в. в регионе фиксировался неизменный рост интереса к его институтам, образовательным учреждениям и т. д. [16]. С 80-х гг. XIX в. стало резко увеличиваться количество обращений со стороны казахского населения в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД с просьбами о назначении для них особого муфтията и об учреждении при нем Духовного собрания, разрешения строительства новых мечетей и открытия при них учебных заведений.

Под влиянием антиколониальных восстаний, охвативших зарубежный «мусульманский» Восток на рубеже XIX — XX вв., а также событий Первой русской революции 1905–1907 гг. проходила интеграция мусульманских народов империи. Этот процесс привел к появлению в регионе в начале XX в. политических организаций и движений от национально-демократических до религиозно-националистических: «Шуро-и-Исламия», (Исламский Совет), «Шур-и-улама» (Совет духовенства), «Иттихедв-Тараки (Единение и прогресс), «Уяма», «Алаш-Орда», «Туран» и др.

В этих условиях полное игнорирование проблем духовного развития мусульман Степного края и Туркестана становилось невозможным. После революционных событий 1905–1907 гг. вопрос «учреждения особых духовных управлений для казахов областей Семипалатинской, Акмолинской, Уральской и Тургайской» стал предметом специального обсуждения Особого совещания, созданного при Комитете министров [6, л. 185]. В рамках дискуссии, длившейся несколько лет, военный губернатор Тургайской области М.М. Эверсман утверждал, что сосредоточение религиозных вопросов в ведении областной администрации является «вполне удобным и весьма целесообразными как в видах наилучшего и ближайшего контроля за деятельностью местного магометанского духовенства, так и возможности надлежащего его подбора...». Губернатор указывал, что учреждение особого духовного управления для казахов и тем более включение их в сферу деятельности Оренбургского мусульманского духовного собрания нецелесообразно, поскольку «такое включение подчинило бы мулл-киргизов, и не зараженных пока мусульманским фанатизмом казахов, влиянию фанатиков-татар». М.М. Эверсман предлагал внести в порядок управления духовными делами казахов только две поправки: «1) разрешить киргизам увеличить число мулл до одного на аул, вместо разрешенных теперь по одному на волость в видах борьбы с появлением тайных духовных лиц среди киргизов; 2) установить обязатель-

ное ведение муллами метрических книг в устранение многих неудобств...» [10, с. 290].

Аналогичной точки зрения придерживался военный губернатор Уральской области М.Д. Мордвинов, который считал, что «главной задачей русской государственной власти в области мусульманских воздействий на местное население» должно стать «устранение чуждого зауральской степи татарского элемента и уменьшение престижа мусульманского духовенства». Поэтому он предлагал не вмешиваться кардинальным образом в ситуацию, имевшую место в казахской степи, а именно не создавать специального муфтията для казахов и «не озабочиваться тем, что бы учителя в мектебах и медресе хорошо знали догматы ислама» [10, с. 294].

МВД и его Департамент духовных дел иностранных исповеданий лавировали между позицией региональных органов власти и казахской религиозной общественностью, предлагая создать не одно, а несколько таких управлений «для всех ветвей киргизского племени», например в Уральске, Иргизе, Акмолинске, соответственно дроблению киргиз по ордам: Букеевской, Малой, Средней в видах предупреждения племенной сплоченности этих кочевников» [10, с. 299–300]. Очевидно, что данные инициативы МВД преследовали все ту же цель — дезинтегрировать казахское мусульманское движение и вычленив его из общероссийского.

В Туркестанском крае вопрос о создании особого управления духовными делами мусульман края поднимался еще в 80–90-е гг. XIX в. Генерал-губернатору М.Г. Черняеву в этот период удалось разработать проект, который предлагал создание Духовного управления. Оно должно было состоять из восьми членов-мусульман и рассматривать дела мусульманской религии, вакуфов и конфессиональной школы и т. п. [17, л. 151]. В каждой из трех областей генерал-губернаторства — Сыр-Дарьинской, Семиреченской и Закаспийской предлагалось учредить отдельные управления по духовным делам. Однако проект М.Г. Черняева не был одобрен правительством.

Последующие администраторы края, признающие целесообразность создания специализированного ведомства, контролировавшего и координировавшего бы деятельность мусульманских общин Туркестана, неизменно наталкивались на противодействие со стороны Департамента духовных дел иностранных исповеданий при МВД. Последний был убежден, что «создание особых органов по образцу уже существующих (Оренбургское и Таврическое мусульманские духовные собрания. — *Авт.*) не целесообразно, так как это привело бы к укреплению и развитию магометанства в Туркестане».

В начале XX в. в ходе работы Особого совещания, созданного для обсуждения общих вопросов развития мусульман Российской империи, генерал-

губернатор Туркестанского края Н.Н. Тевяшев высказался как против присоединения туркестанских мусульман к Оренбургскому мусульманскому духовному собранию, так и против создания отдельного духовного правления. Данное мнение было поддержано большинством участников совещания. Одним из аргументов в пользу этого решения был и тот факт, что вплоть до созыва Государственной думы почти все инициативы по упорядочению управления духовными делами туркестанских мусульман исходили от высшей администрации края. Отсутствие ходатайств со стороны местного мусульманского населения свидетельствовало, по мнению руководства, о том, что существующее положение их вполне удовлетворяло.

В течение нескольких лет работы Особого совещания к 1914 г. им было принято Положение по вопросам управления духовными делами мусульман, согласно которому Оренбургский и Таврический муфтияты были сохранены в их территориальных границах. Для регионов, которые не входили в компетенцию этих мусульманских институтов, не предусматрива-

лось образования новых духовных правлений. Таким образом, Особое совещание, признав со своей стороны «существенно важным противодействовать стремлению магометан к объединению на почве религиозных интересов», так и «...не наметило каких-либо существенных преобразований в области управления духовными делами мусульман», в том числе мусульман Степного края и Туркестана [10, с. 301–302].

Таким образом, правовое положение мусульман центральноазиатских национальных окраин Российской империи в полной мере можно охарактеризовать как ограничительное. На протяжении второй половины XIX — начала XX в. был принят ряд законов, создавших систему ограничений дальнейшего развития ислама в регионе и препятствующих его проникновению в этническое самосознание коренных народов. Данная политика России объяснялась ростом общей численности мусульман империи и появлением охранительных мотивов в ее внутренней политике, призванных обеспечить территориальную целостность государства.

Библиографический список

1. РГИА (Российский государственный исторический архив). — Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 603.
2. Бартольд В.В. Сарт. Сочинения. — М., 1964. — Т. 2. Ч. 2.
3. Лысенко Ю.А., Тарасова Е.В., Анисимова И.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XVIII — начало XX в.). — Барнаул, 2014.
4. Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. — 2006. — № 4.
5. Батунский М.А. Россия и ислам. Ч. II. — М., 2003.
6. РГИА. — Ф. 821. — Оп. 8. — Д. 594.
7. Лысенко Ю.А. Религиозная политика как механизм закрепления имперских позиций России в Туркестанском крае (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник ТГУ. — 2012. — № 4.
8. Усенова Д. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916 гг. — Казань, 2005.
9. РГИА. — Ф. 821. — Оп. 11. — Д. 65.
10. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / под ред. Д.Ю. Арапова. — М., 2001.
11. ЦГА РК (Центральный государственный архив Республики Казахстан). — Ф. 25. — Оп. 1. — Д. 1383.
12. Султангалиева Г. «Татарская» диаспора и профессиональные связи казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. — 2000. — № 4 (11).
13. Лысенко Ю.А. Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70-е гг. XIX — начало XX в.) // Известия Алт. гос. ун-та. — 2012. — № 4/2.
14. Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв. : сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Гончарова. — Барнаул, 2005.
15. ЦГА РК. — Ф. 369. — Оп. 1. — Д. 5845.
16. Лысенко Ю.А. Развитие исламского общественно-го движения в Казахстане в начале XX в. и позиция региональных органов власти // Известия Алт. гос. ун-та. — 2013. — № 4/1.
17. РГИА. — Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 613.